

АСИММЕТРИЧНЫЕ ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК МОДЕЛЬНО ОСЛОЖНЕННЫЕ

В статье рассматриваются асимметричные простые предложения (ПП) — моно-предикативные по форме и полипропозитивные по содержанию. Дается обзор работ, в которых описываются различные способы репрезентации дополнительной предикативности в ПП. Факты асимметричного устройства ПП увязываются с проблемой его семантического осложнения. Предлагается описание одной асимметричной структуры в русском языке — предложения с атрибутивным определителем в присубъективной позиции. Данные структуры интерпретируются как построенные по осложненной модели и являющиеся компрессированными эквивалентами сложноподчиненного предложения с отношениями потенциальной обусловленности.

Асимметричными называют конструкции, в которых, по определению Т. А. Колосовой, «единицы плана выражения и единицы плана содержания не находят точного соответствия»¹. В них наблюдается асимметрия в отношениях предикативности и пропозитивности². Асимметричными могут быть как простые предложения (ПП), так и сложные предложения (СП). В сфере простого предложения асимметричными называют структурно простые, но семантически сложные предложения. В предложении кроме предиката, занимающего независимую пози-

цию, может присутствовать зависимый предикат. Пример, приводимый В. В. Богдановым, иллюстрирует сказанное. Автор считает, что в предложении *Взрыв разбудил Михаила* — два предикатных слова (*взрыв* и *разбудил*), следовательно, в нем два предиката: основной *разбудил* и включенный *взрыв*. Ср.: *Бомба взорвалась*³. В соответствии с такой типологией предикатов в предложении различают основную пропозицию и включенную. Приведенное предложение является семантически неэлементарным, так как, по мнению автора, репрезентирует две про-

позиции. (Однако здесь, по-видимому, не две, а три пропозиции, хотя предложение и является двупредикатным.) В соответствии с типологией Т. В. Шмелевой, в этом предложении репрезентированы две событийные пропозиции и одна логическая⁴. Событийные пропозиции: 1) *Бомба взорвалась*; 2) *Михаил проснулся*; логическая пропозиция: 3) *Михаил проснулся, потому что бомба взорвалась (послышался взрыв)*.

Изучение и описание асимметричных структур в сфере простого предложения неразрывно связано с проблемой осложнения.

Следует ограничивать осложнение с помощью компонентов, являющихся, условно говоря, внешними по отношению к структуре ПП, от осложнения с помощью компонентов, входящих в структуру предложения. П. А. Лекант различает осложнение модульное и модельное. Модульным он называет осложнение, при котором к завершеному высказыванию «прикрепляется» своеобразный модуль — непредикативная конструкция или компонент в качестве свернутой номинации события/ситуации. Модельное осложнение — «это построение простого предложения по осложненной модели, реализация которой, конкретное лексическое наполнение обеспечивает номинацию двух событий, ситуаций»⁵. Конструкции с модельным осложнением — это семантически неэлементарные предложения. Именно эти конструкции являются асимметричными.

Модельное осложнение — мало изученная область синтаксиса, вероятно, поэтому в отношении так понимаемого осложнения оправдан термин *нетрадиционные способы осложнения*. П. А. Лекант называет три типа модельно осложненных предложений: а) трехкомпонентная модель с целевым субъектным инфинитивом. Например: *Я вышел на платформу отдышаться от вагонной духоты*, б) четырехкомпонентная модель с объектным инфинитивом каузируемого действия: *После чая я упросил Веру петь*, в) четырехкомпонентная модель с преди-

кативным определением или приложением: *Муж называл жену «ведьмой», «чертом», жена называла мужа «ветряною мельницей» и «бесструнной балалайкой»*⁶. В этот список следует включить также конструкции с дуплексивом, описанные Л. Д. Чесноковой. Дуплексивы — это второстепенные члены предложения, выражающие атрибутивно-обстоятельственные или атрибутивно-объектные значения и относящиеся одновременно к двум грамматически разным словам: имени и глаголу. Например: *Он работает больной*; *Встретил его вполне здоровым*⁷.

Кроме перечисленных конструкций, к модельно осложненным ПП следует, по-видимому, относить и конструкции с атрибутивным определителем в присубъектной позиции, как в случаях типа: *Лживое дело хило* (Посл.); *Горькие вести гонцу не в радость* (Посл.); *Согласному стаду и волк не страшен* (Посл.); *Чистая совесть есть постоянный праздник* (Сенека, рус. пер.).

В теории второстепенных членов предложения определение традиционно считается факультативным членом, никак не влияющим на его структурно-семантическую организацию. Однако случаи неэлиминированности (неопускаемости) этого «факультативного» компонента предложения, как случаи типа *Упрямый человек несносен* → * *Человек несносен* (пример О. И. Москальской) вступают в противоречие с этим положением. Многие синтаксисты уже не обращали внимание на подобные случаи⁸. Большинство ученых склонны объяснять неопускаемость определения особенностями семантики существительного, которое вне сочетания со своим атрибутом не может реализовать свою номинативную функцию, в результате чего в предложении возникает так называемое информативно нечленимое словосочетание.

На самом деле, в ряде случаев обязательность атрибутивного определителя есть следствие того, что предложение построено по осложненной модели —

определитель является модельно обязательным компонентом. Данные конструкции представляют собой компрессированные эквиваленты сложноподчиненных предложений (СПП) с отношениями обусловленности. Названный тип СП является базовой структурой для ПП рассматриваемого вида. Ниже постараемся обосновать данный тезис. Здесь же укажем на то, что, согласно традиционному взгляду, осложненное предложение формируется на базе ПП. Однако, как убедительно показывает М. И. Черемисина, приписывание понятия осложненного предложения синтаксису простого предложения является ошибочным. Ориентировка на простое предложение приводит к тому, что осложняющий компонент расценивается как непредикативный. «Осложняющий компонент в простом предложении, — пишет М. И. Черемисина, — противопоставляется придаточному в составе сложного как «нечто совсем другое» — настолько другое, что о цепочке, образующей плавный переход из одного качества в другое, «противоположное», вопрос как бы не возникает». Ситуация же иная: «сама сложность предложения есть качество относительное, которое может быть представлено в большей или меньшей степени». Автор цитируемой статьи полагает, что более рациональным при изучении осложненного предложения является подход «со стороны сложного предложения, потому что в классическом, каноническом сложном предложении все аспекты структуры содержания, организующего этот синтаксический объект, представлены эксплицитно. Это позволяет относительно четко фиксировать все отклонения от этого эталона»⁹.

Конструкции с атрибутивным определителем в присубъектной позиции являются результатом одного из деривационных процессов — компрессии. Говоря о присубъектной позиции, мы имеем в виду примеры типа *Осенняя муха злее кусает* (Посл.), в которых семантический субъект совпадает с грамматическим, а также случаи типа *Большому кораблю* —

большое плаванье (Посл.); *У старого козла крепки рога* (Посл.); *Бодливой козле бог рог не дает* (Посл.) и т. п., в которых атрибутивный определитель входит в состав детерминанта с субъектным значением. Не все условные конструкции способны к подобному свертыванию, потому что для большинства сложных предложений с условными придаточными характерна семантика гипотетичности.

К компрессии способны лишь СПП, выражающие *потенциально-условные* отношения между двумя нелокализованными во времени положениями дел. Механизм компрессии, по-видимому, таков: В СПП одна предикативная единица номинализуется — полипредикативное предложение становится монопредикативным, оставаясь при этом полипропозитивным. Так, предложение *Бешеные собаки опасны* монопредикативно, но полипропозитивно: 1) *Собаки бешеные*; 2) *Собаки опасны*. Однако полипропозитивность сама по себе еще не может быть показателем сложности ПП. В рамках ПП должно быть выражено грамматическое значение СПП — отношение между ситуациями. В нашем примере это пропозиция, эксплицируемая с помощью союза *если... (то)*. См: 3) *Если собаки бешеные, то они опасны*. Ср. также: *Если муха осенняя, то она злее кусает*; *Если дело лживое, то оно хило*; *Если корабль большой, то ему суждено/должно/предстоит большое плаванье*.

В рассматриваемых конструкциях атрибутивный определитель в присубъектной позиции является включенным предикатом. На поверхностном уровне данные конструкции имеют семантическую модель $S — P$ и представляют собой предложения характеристики: субъекту приписывается некое качество, свойство. Данная модель имеет глубинное прочтение: *'если некий субъект обладает свойством x , то этот же субъект обладает свойством y '* (*Если собаки бешеные, то они опасны*). Схематическое обозначение: *Если $S — P1$, то $S — P$* . Вариант модели: *'если субъект I обладает свойством*

вом *x*, то субъект 2 обладает свойством *y*'. Например: *У старого козла крепки рога — Если козел старый, то у него крепки рога*. Схематично: *Если SI — P1, то S — P*. Для того, чтобы модель *S — P* имела данное прочтение, необходимо, чтобы конструкция обладала следующими параметрами:

1) предикат должен быть атемпоральным, обозначать положение дел, нелокализованное во времени, т. е. быть предикатом качества, свойства; он должен быть вторичным. Как правило, предикат в данных конструкциях выражен именной частью речи или глаголом настоящего несовершенного — «настоящего вневременного». Ср.: *Глупый человек всегда хвастлив* (Абай, рус. пер.); *Выношенная шуба не греет* (Посл.). Этот параметр определяет два других;

2) субъект должен иметь обобщенную референцию. (Даже если позицию субъекта занимает имя конкретной референции, то в условиях данной конструкции оно получает обобщенное, а нередко и символическое прочтение: *Маленькая собачка до старости щенок; Береженная посуда два века стоит*);

3) включенный предикат (он же атрибутивный определитель) должен занимать присубъектную позицию, содержать объем информации, достаточный для того, чтобы мотивировать основной предикат, поскольку вторичные (оценочные) предикаты всегда нуждаются в мотивации. Ср.: *не греет, потому что выношенная; хвастлив, потому что глуп*. Атрибутивный определитель в таких конструкциях является своеобразным детерминантом, он одновременно относится к субъекту и к предикату: с субъектом он связан синтаксически и по смыслу, с предикатом — только семантически: *упрямый человек, упрямый — несносен; выношенная шуба, выношенная — не греет*. Атрибутивный определитель детерминирует всю предикацию в целом.

Для передачи одного и того же содержания в языке существуют разные способы — изосемические и неизосемические. Понятие *изосемичность* мы упот-

ребляем вслед за Г. А. Золотовой, которая, описывая семантические модели ИП, к числу изосемических отнесла такие, у которых наблюдается соответствие «между категориальными значениями структурных компонентов предложения и категориальными значениями их денотатов в реальной действительности»²⁰. СПП является изосемическим способом выражения условных отношений: во-первых, здесь есть союз — квалификатор условных отношений, во-вторых, две самостоятельные предикативные части, которые называют две ситуации, — каузирующую и каузируемую.

Осложненное ИП — неизосемический способ: отсутствует специализированный квалификатор смысловых отношений, наблюдается редукция предикативного узла.

В каких случаях предпочтение отдается неизосемическому способу выражения названных смысловых отношений? Импульсом для выбора компрессированного эквивалента служат особые условия дискурса. Описываемые конструкции обслуживают определенную сферу речевой деятельности: они функционируют в текстах сентенционного или информационно-сентенционного типа. См. пример из эссе: *Любимые книги живут по законам мифа: они требуют не только умственного досуга, но и физического действия. Поэтому поклонники Достоевского бредут петербургскими маршрутами Раскольникова, любители Булгакова гуляют у Патриарших прудов, знатоки Конан Дойла рыщут по девонширским болотам* (А. Генис).

Конструкции, о которых идет речь в данной статье, — это, как правило, поговорки, афоризмы, изречения из Библии, словом, паремии в широком смысле термина¹⁰, а также суждения авторов эссе, мемуарной прозы, которые (суждения), имеют ярко выраженное субъективное начало, нередко представляют собой парадоксальные высказывания. И те и другие всегда претендуют на безусловную достоверность. Пословицы, поговорки, афоризмы, библейские паре-

мии, а также сентенции, извлеченные из авторских текстов, сами по себе являются автосемантическими текстами, мини-дискурсами, отражающими народную, житейскую, высшую мудрость. Ср.: *Красивые женщины не ездят в метро* — высказывание одного современного писателя; *Старая актриса — мумия розы*; *Настоящее материнство мужественно* — фразы из Дневника М. Цветаевой. *Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет* — сентенция из повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» — сказано о Фоме Опискине, фраза записана в Дневнике К. Чуковского без всяких комментариев, вероятно, как афоризм, отвечающий каким-то мыслям и чувствам автора Дневника. *Свято место пусто не бывает* — поговорка, которую мы употребляем в соответствующей ситуации. *Пуганая ворона и куста боится* — пословица, обобщающая определенную модель поведения человека и также употребляемая нами в определенных ситуациях. *Блаженны милостивые [люди], ибо они помилованы будут* — паремия из Евангелия, одна из Заповедей блаженства, цитируемая уже две тысячи лет, и т. п.

Данная модель продуктивна в дискурсе именно сентенционного характера, потому что при том же объеме информации, что и в соответствующем СПП, она обладает лаконизмом и глубиной (подтекстом). Отношения мотивации представлены в свернутом виде, что требует от читателя/слушателя додумывания и развертки — таков закон подтекста. Лаконизм формы и глубина содержания — это главные свойства афоризма, пословицы. Ср. толкование данных терминов: пословица — это «коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот»¹¹. Афоризм — «краткое выразительное изречение, содержащее обобщающее умозаключение»¹².

Рассуждая, мы часто используем подобную «концентрированную мудрость» как аргумент, при этом нередко продуцируем собственные сентенции. Приво-

димый ниже пример иллюстрирует эту особенность нашего речевого поведения.

Один из участников приводимого ниже диалога использует чужую сентенцию как аргумент для доказательства своей мысли. Сентенция построена по интересующей нас модели, в ней устанавливаются отношения обусловленности между двумя свойствами одного и того же субъекта:

— *Вилен, ты не гляди, что эти люди выпившие. Вином они раскрепощают и сохраняют свои бессмертные души. Камю сказал: бунтующий человек не дрогнет наложить на себя руки. Даже посредством употребления. Хотя регулярное употребление — это добровольное беснование...* (А. Хруцкий).

Данный пример показывает, как говорящий, используя чужую сентенцию как аргумент, продуцирует и собственную, не менее убедительную, чем заимствованная: *Регулярное употребление — это добровольное беснование* (можно сравнить с известным афоризмом, приписываемым Аристотелю: *Пьянство — добровольное сумасшествие*). Очевидно, таков «закон жанра»: рассуждая, мы продуцируем те релевативные отрезки текста, которые окрашивают наше высказывание модальностью истинности, достоверности. Впрочем, некоторые коммуниканты не только продуцируют такие релевативные фрагменты текста, но и подвергают этот процесс рефлексии, как, например, автор эссе «Робкий путь к Набокову».

Годы спустя, горестно и ревнуя люкюя, незванным татаринном вкушала я обед автора «Других берегов» с Нобелевским лауреатом тридцать третьего года. Набегом и покражей личного соучастия я взяла себе любезное противоборство двух кувертов, двух рознопородистых лиц, ироническую неприязнь первого к «водочке» и «селедочке», вопросительную безответность второго. Не в эту ли пору чтения, впервые став лишним сотрапезником описанного обеда, придумала я малость поговорки: из великих людей уютного гарнитура не составишь (Б. Ахмадулина).

Сентенция *Из великих людей уютного гарнитура не составишь* обобщает размышления автора эссе о том, что двум великим писателям — Бунину и Набокову — было неуютно друг с другом. Поводом для подобных обобщений послужил эпизод, описанный В. Набоковым в «Других берегах», — обед в парижском ресторане, куда Бунин пригласил Набокова.

Писатели, публицисты часто используют текстообразующий потенциал компрессированных эквивалентов СПП с отношениями потенциального условия. См. примеры:

Буржуазная жизнь — скучная жизнь. *Корысть застит глаза, праздника мало, конституция от сих до сих, куцая. И поэт, «в закон себе вменяя страстей единый произвол», дразнил обывателя, сбивал с него спесь, напоминал, что свет клином не сошелся на корысти и конституции* (С. Гандлевский);

Рафинированный идиотизм становится хорошим тоном. *Человечество всегда втайне мечтало об этом, дожидаясь первой же возможности освободиться от власти информации и знаний, завидуя детям, и каждый из нас навсегда запомнил главный урок детства — сча-*

стливей всех и веселей всех живут трючники (Л. Кощеев);

Хороший поэт — всегда орудие своего языка, а не наоборот. *Хотя бы потому, что последний старше предыдущего* (И. Бродский).

Подобные сентенции являются парадоксальными суждениями, которые нуждаются в обосновании, — они задают параметры правого текстового окружения. Такой зачин ССЦ повышает степень доверия читателя к тому, о чем пойдет речь далее: природа афоризма такова, что не позволяет усомниться в его истинности. Теоретически можно представить себе зачин данных ССЦ по-иному. Например: *Если поэт хороший, то он всегда орудие своего языка; Идиотизм становится хорошим тоном, если он рафинированный.* Однако очевидно, что акценты в этом случае будут другими, можно предположить также, что и прогноз на развертывание текста будет другим.

Перспектива изучения модельно осложненного предложения видится в том, чтобы выявить состав осложненных моделей. Может быть, со временем, подобно структурным схемам ПП, этот состав будет исчислен с точностью до единицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980. С. 3.

² Хегай В. М., Шмелева Т. В. Предикативность и пропозиitivность в простом и сложном предложении // Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1978. С. 117.

³ Богданов В. В. Концепция глубинной структуры в современной лингвистической семантике (глубинная структура — фикция или реальность?) // Вопросы лингвистической семантики. Тула, 1975. С. 11.

⁴ О делении пропозиций на событийные и логические см.: Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.

⁵ Лекант П. А. Проблема структурно-семантического осложнения простого предложения // Семантическая структура слова и высказывания. М., 1993. С. 99.

⁶ Лекант П. А. Цитир. изд. С. 99–102.

⁷ Чеснокова Л. Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ростов н/Д, 1973.

⁸ Подробный обзор работ по данной проблематике см.: Дьячкова Н. А. Полипропозиitivные структуры в сфере простого предложения. Екатеринбург, 2002. С. 9.

⁹ Черемисина М. И. Сложное предложение как объект общего языкознания // Предикативность и полипредикативность. Челябинск, 1987. С. 7, 17–18.

¹⁰ Существует широкое и узкое толкование термина п а р е м и я. В узком — это изречение из Библии, в широком — любая сентенция, то же, что афоризм.

¹¹ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994. С. 11.

¹² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 32.

N. Dyachkova

**THE ASYMMETRIC SIMPLE SENTENCES
AS MODELLY COMPLICATED ONES**

Asymmetric simple sentences (SS) — monopredicative by form and polypropositional by contents - are considered. A review of works is given in which various methods of representation of additional predication in SS are described. The asymmetric system of SS is regarded along with the problem of its semantic complication. The description of one asymmetric structure in Russian (sentences with the attributive definer in the pre-subjective position) is offered. These structures described as structures based on the complicated model being compressed equivalents of the complex sentence with the relations of potential conditionality.